

# **УИЛКИ КОЛЛИНЗ**

---

*ДОЧЬ ИЕЗАВЕЛИ*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ  
МОСКВА*

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44  
К60

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *В. Бернацкой*  
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*  
Дизайн обложки *В. Воронина*

**Коллинз, Уилки.**

К60 Дочь Иезавели / Уилки Коллинз ; [перевод с английского *В. Бернацкой*]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-172261-6

Мина Фонтен и Фриц Келлер влюблены друг в друга. Но его семья против женитьбы — они считают, что избранницей сына движут корыстные мотивы. Все потому, что после смерти известного химика Фонтена его дочери и супруге достались только долги и сундук с ядами, изучению которых он посвятил всю свою жизнь.

Неожиданно господин Келлер, отец Фрица, сильно заболевает. Случайное совпадение? А может, продуманный план коварной вдовы Фонтен, прозванной Иезавелью, которая, как и библейская царица-злодейка, готова пойти на все ради счастья дочери?

УДК 821.111-31  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-172261-6

© Перевод. В. Бернацкая, 2025  
© ООО «Издательство АСТ», 2025

## ЧАСТЬ I

---

МИСТЕР ДЭВИД ГЛЕННИ,  
ОСВЕЖИВ СВОЮ ПАМЯТЬ,  
НАЧИНАЕТ РАССКАЗ



## Глава I

В моих воспоминаниях история дочери Иезавели начинается со смерти двух иностранцев из двух разных стран, скончавшихся в один и тот же день. Эти незаурядные — каждый в своей области — люди не были знакомы друг с другом.

Мистер Эфраим Вагнер, торговец, долгое время живший во Франкфурте-на-Майне, умер в Лондоне третьего сентября 1828 года.

Доктор Фонтен, известный в свое время открытиями в области экспериментальной химии, ушел из жизни в Вюрцбурге третьего сентября 1828 года.

У обоих мужчин — торговца и доктора — остались вдовы. У вдовы торговца, англичанки, детей не было. У вдовы доктора, родом из южногерманской семьи, была дочь.

В то давнее время — эти строки я пишу в 1878 году, то есть с тех пор минуло уже полвека — я был молодым человеком и служил в конторе мистера Вагнера. Я приходился племянником его жене, и он относился ко мне как к родному. То, что я собираюсь рассказать, происходило на моих глазах. Память меня не подводит. Как большин-

ство стариков, я лучше помню события юных лет, чем то, что происходило два или три года назад.

Добрый мистер Вагнер много месяцев не вставал с постели, однако врачи никак не ожидали такого стремительного конца. Он натянул им нос и, проявив свободную волю, ушел из жизни как раз в тот момент, когда они объявили, что есть существенная надежда на выздоровление. Когда это несчастье обрушилось на его жену, я находился с поручением во Франкфурте-на-Майне, в одном из отделений нашей фирмы, которым руководил деловой партнер мистера Вагнера. Я вернулся на следующий день после похорон, к самому оглашению воли покойного. Мистер Вагнер получил английское гражданство, и потому завещание было составлено английским нотариусом.

Нам имеет смысл остановиться только на четвертом, пятом и шестом пункте этого документа.

В четвертом пункте наследодатель объявлял, что все свое имущество, движимое и недвижимое, оставляет жене. В пятом — назначал ее единственной душеприказчицей, чем окончательно подтвердил бесконечное к ней доверие.

Шестой, и последний, пункт начинался следующими словами:

«Всю мою долгую болезнь дорогая жена исполняла обязанности моего секретаря и представителя. Она полностью введена в курс дела, и никто лучше нее не сможет руководить нашим бизнесом после моей кончины. Этим распоряжением я не

только выражаю свое доверие и искреннюю благодарность за заботу, но действую и в интересах фирмы, главой которой являюсь. Именно поэтому я назначаю ее моим преемником с вытекающими отсюда всеми правами и привилегиями».

Тут мы с адвокатом взглянули на мою тетку. Откинувшись в кресле, она прикрыла лицо платком. Мы терпеливо ждали, пока она придет в себя и сможет с нами говорить. Ее потрясла сила любви и доверия, звучавшая в последних словах завещания. Рыдания сотрясали ее тело. Через какое-то время она осознала наше присутствие и, собравшись с духом, заговорила.

— Сейчас я ни на что не гожусь, — сказала она. — Приходите ко мне в конце недели — я должна открыть вам обоим нечто важное.

Адвокат осмелился задать вопрос:

— Это касается завещания?

Тетя покачала головой.

— Это касается последней воли мужа.

Она слегка склонила голову и удалилась в свою комнату.

Адвокат смотрел ей вслед с сомнением и тревогой.

— Долгие годы занятия юриспруденцией, — сказал он, — преподали мне несколько полезных уроков. И один из них всплыл в моей памяти в связи с вашей тетей.

— Могу я спросить, что это за урок?

— Конечно. — Он взял меня под руку и ответил, только когда мы вышли из дома: — Если

последние слова умирающего не зафиксированы нотариусом и не отражены в завещании, нет повода им доверять.

В то время я считал такой подход слишком ограниченным. Разве мог я предвидеть, что последующие события в жизни тети докажут правоту адвоката? Если бы она все оставила как есть и не отправилась поспешно в наше отделение во Франкфурте... но что толку теперь гадать — если бы да кабы? Моя задача — рассказать о том, что случилось на самом деле. Так что я продолжаю...

## Глава II

В конце недели нам дали знать, что вдова готова нас принять.

Постараюсь описать мою тетю — женщину небольшого роста, с великолепной фигурой, бледным цветом лица, широким низким лбом и большими, устремленными на собеседника, умными серыми глазами. Выйдя замуж за человека много старше себя, она все еще была (после многих лет замужества) весьма привлекательной женщиной. Но, похоже, она никогда не осознавала собственную привлекательность, как и выдающиеся способности, какими она в полной мере обладала. Мягкая и скромная в обычных обстоятельствах, она в решающий момент мгновенно преображалась, проявляя редкую силу воли. Подобных женщин я в жизни больше не встречал.

Без лишних слов тетка быстро перешла к делу. Было видно, что бедняжка всю ночь проплакала, однако сейчас собралась с духом. Когда она говорила о покойном муже, легкая дрожь в голосе выдавала ее горестные переживания, но в остальном она держала себя в руках, чем вызывала у нас жалость и одновременно восхищение.

— Вы оба знаете, — начала она, — что мистер Вагнер был человеком с независимым взглядом на вещи. Он чувствовал свою ответственность перед бедными и больными членами общества, и его убеждения опережали обычное отношение к страждущим. Я разделяю его взгляды и в память о нем намереваюсь с божьей помощью воплотить их в жизнь.

— Мадам, вы имеете в виду политические взгляды мистера Вагнера? — с некоторым беспокойством спросил адвокат.

Пятьдесят лет назад политические взгляды моего хозяина считались революционными. Теперь же, когда парламент принял с одобрения всего общества законы, соответствующие убеждениям мистера Вагнера, его назвали бы «умеренным либералом», осторожно ступающим в марше современного прогресса.

— Меня не интересует политика, — ответила тетя. — В первую очередь я хотела бы обсудить с вами взгляды моего мужа на женский труд.

И здесь снова — «ересь», которую поддерживал мой хозяин полвека назад, стала в 1878 году общепризнанной истиной. Тогда он со свойственной

ему независимостью суждений пришел к выводу, что многие считающиеся чисто мужскими работы могут с тем же успехом выполняться способными и трудолюбивыми женщинами. А если мистер Вагнер верил в правильность своих мыслей, он тут же стремился воплотить их на практике. При расширении лондонского бизнеса он распределил новые места поровну между мужчинами и женщинами. Разразившийся по этому поводу скандал до сих пор помнят люди моего возраста. Однако, несмотря на активное противостояние, смелый эксперимент хозяина увенчался успехом.

— Если б муж был жив, — продолжала тетка, — он, несомненно, продолжил бы двигаться в этом направлении и перенес лондонскую практику в наш филиал во Франкфурте-на-Майне. Там тоже ширится бизнес — надо увеличить число клерков. Как только я приду в себя, сразу же поеду во Франкфурт, чтобы предоставить немецким женщинам те же права, что и англичанкам. По этому вопросу у меня есть подробные рекомендации мужа, и я намереваюсь их исполнить. Я собираюсь послать тебя, Дэвид, — прибавила она, повернувшись ко мне, — к нашим партнерам во Франкфурте, мистеру Келлеру и мистеру Энгельману, с просьбой сохранить несколько открывшихся вакансий до моего приезда. — Тетя замолчала и посмотрела на адвоката. — Вы имеете что-нибудь против моего плана? — вдруг спросила она.

— Я вижу некоторые риски, — осторожно ответил адвокат.

— Какого рода?

— В Лондоне, мадам, у мистера Вагнера было время изучить характер женщин, которых он брал на работу. В малознакомом Франкфурте у вас не будет такой возможности, и вы можете попасться... — Адвокат заколебался, не зная, как выразиться откровенно и одновременно деликатно.

Тетка пришла ему на помощь.

— Прошу без стеснений говорить мне все как есть, — сказала она с некоторым холодком в голосе. — В чем вы видите опасность?

— У вас великодушная натура, мадам, и этим могут воспользоваться недобросовестные люди. Я боюсь, как бы женщины с дурной репутацией или другие женщины...

Адвокат снова замолк. На этот раз ему просто помешали. Кто-то постучал в дверь.

На приглашение войти отозвался наш старший клерк. Тетка сделала ему знак рукой.

— Простите, мистер Хартри, я займусь с вами через минуту. — И она снова обратилась к адвокату. — Как могут мне повредить «другие» женщины?

— У приличных женщин, достойных вашего внимания, могут быть сомнительные родственники или знакомые, — ответил адвокат. — Вы с вашим обостренным чувством сострадания постараетесь помочь женщинам, его вызвавшим, а те могут стать для вас источником постоянных волнений и беспокойств из-за дурного влияния семьи.

Моя тетя ничего на это не ответила. Казалось, соображения адвоката вызвали у нее раздражение. Она обратилась к мистеру Хартри, довольно резко спросив, по какому вопросу ее беспокоят.

Наш старший клерк был благовоспитанный джентльмен старой школы. Он витиевато извинился за свое вторжение и в конце протянул письмо.

— Когда вы сможете приступить к делам, мадам, окажите любезность и прочтите это письмо. Простите, что я сам распоряжаюсь в конторе, но я не желаю нарушать ваше уединение так скоро после кончины дорогого хозяина. — За обычным выражением соболезнования в голосе служащего звучало искреннее, неподдельное чувство. Тетка протянула ему руку, которую тот поцеловал со слезами на глазах.

— У меня нет никаких сомнений в вашей компетентности. Ваша работа всегда выше всяких похвал, — ласково сказала она. — От кого это письмо?

— От мистера Келлера из Франкфурта, мадам.

Тетка быстро взяла у клерка письмо и внимательно его прочитала. Я полностью привожу его содержание, так как оно имеет непосредственное отношение к дальнейшей истории.

«СУГУБО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»

Дорогой мистер Хартри, я не смею адресовать это письмо миссис Вагнер сразу после обрушившегося на нее горя. Но я нахожусь в отчаянном положении, и потому решился написать вам как

человеку, отвечающему в настоящий момент за лондонское отделение фирмы. Мой единственный сын Фриц заканчивает обучение в Вюрцбургском университете. К сожалению, он влюбился в девушку, дочь недавно скончавшегося в Вюрцбурге доктора, профессора химии. Верю, что девушка — достойная и добродетельная молодая особа. Но отец оставил семью без всяких средств к существованию, и мало того — по уши в долгах. Кроме того, у ее матери не самая лучшая репутация в городе. Поговаривают, что причина всех долгов — ее бесхозяйственность и мотовство. Ввиду этих обстоятельств я хочу разлучить молодых людей, тем более что смерть доктора отодвинула их отношения на второй план. Фриц отказался от мысли идти по медицинской стезе и последовал моему совету развивать семейный бизнес. И я решил послать его к вам в Лондон изучать коммерческое дело.

Сын сначала неохотно принял мое предложение, но, будучи хорошим и послушным юношей, поддался моим уговорам. Он прибудет к вам через день-другой после этого письма. Вы очень обяжете меня, если найдете для него местечко в одном из ваших офисов и присмотрите за ним, пока я не сочту возможным связаться с миссис Вагнер, которой выражаю свое искреннее соболезнование».

Тетка вернула ему письмо.

— Молодой человек уже здесь? — спросила она.

— Со вчерашнего дня, мадам.

— Вы нашли ему занятие?

— Я определил его в почтовое отделение, — ответил старший клерк. — В настоящее время

он занят переписыванием писем, а после работы отдыхает в комнате, отведенной ему в моем доме. Надеюсь, вы сочтете мои действия правильными, мадам?

— Просто превосходными, мистер Хартри. Я частично избавлю вас от ответственности. Моя скорбь не мешает мне исполнить свой долг в отношении партнера мужа. Я сама поговорю с молодым человеком. После работы приведите его ко мне. А сейчас побудьте пока здесь. Я хочу задать вам один вопрос о делах моего мужа, очень меня интересующих. — Мистер Хартри снова сел на стул. И тут, слегка замешкавшись, тетка задала свой вопрос, вызвавший у всех нас глубокое удивление.

### Глава III

— Мой муж имел отношение ко многим благотворительным проектам, — начала вдова. — И, если я не ошибаюсь, он был одним из попечителей Вифлеемской больницы?

При упоминании известной психиатрической лечебницы, которую лондонцы зовут «Бедламом», адвокат вздрогнул и обменялся взглядом со старшим клерком.

— Совершенно верно, мадам, — нехотя ответил мистер Хартри и больше не проронил ни слова. Отличавшийся бóльшей смелостью адвокат поспешил прояснить ситуацию и обратился к тетке со следующими словами:

— Хочу вас предостеречь, — сказал он, — что в силу сложившихся обстоятельств, связанных с деятельностью мистера Вагнера, лучше оставить в лечебнице все как есть. Не стоит дразнить гусей. Мистер Хартри подтвердит мои слова, что предложение мистера Вагнера о реформе в лечении пациентов...

— ...было предложением гуманного человека, — перебила его тетка, — который отвергал жестокость в любой ее форме и считал мучения бедных безумцев, избиваемых плетками и закованных в железо, оскорблением личности. Я полностью разделяю взгляды мужа. И хотя я всего лишь женщина, дела этого так не оставлю. В понедельник утром я отправлюсь в больницу и прошу вас сопровождать меня.

— Это большая честь... но в каком качестве я туда поеду? — холодно спросил адвокат.

— В качестве профессионала, — ответила тетка. — Я собираюсь сделать одно предложение директорам, и мне нужна ваша опытность, чтобы это предложение имело соответствующую форму.

Такой ответ адвоката не удовлетворил.

— Простите мое любопытство, — настаивал он, — но не связано ли ваше посещение психиатрической лечебницы с просьбой покойного мистера Вагнера?

— Конечно нет! Муж оберегал меня от подобных грустных тем. Насколько вам известно, я толком не знала, что он являлся там одним из попечителей. Муж тщательно скрывал все обстоятель-